

У Валерия Руднева две специальности – юрист и журналист. И он сумел их удачно объединить в одной должности – главного редактора журнала «Российская юстиция», который возглавляет уже десять лет. Заслуженный юрист РФ, Кавалер Почетного Золотого знака «Общественное признание», один из создателей Московского клуба юристов и учредителей Высшей юридической премии «Фемида» всегда, чем бы он ни занимался в жизни, руководствовался, по его словам, лишь одним принципом – честно служить государству.

ЖУРНАЛИСТ ПО ПРОЗВИЩУ «ПРОКУРОР»

– Почему, проработав немало лет следователем, а затем прокурором, Вы изменили этим профессиям?

– Я отработал в прокуратуре полный срок – 20 лет и четыре дня, дослужился до полковника, и на сегодняшний день я – пенсионер прокуратуры. Но по второму образованию я журналист, и поэтому уже около 15 лет работаю в этой области. В прокуратуру же я пришел когда-то, что называется, с улицы – с завода. Надо было начинать работать по специальности – я ведь учился в юридическом заочно. И мечтал работать «сыщиком». В наше время, в начале 70-х, было престижно быть оперативником. А прокуратура стояла как бы немножко особняком: с одной стороны – желанная оперативная работа, а с другой – не совсем военная профессия, и погоны не очень тогда хотелось носить. Так что это был осознанный выбор.

– Кто Вам помогал в карьерном росте?

– Сегодня, наверное, делают карьеру иначе – я знаю массу молодых людей, которые четко планируют свою жизнь и упрямо идут к поставленной цели. Я же человек другого времени, и нас, конечно, не учили делать карьеру. Нас учили служить. Комсомолу, партии, государству. И я старался добросовестно служить, как служили рос-

сийскому государству мои предки из терских казаков, а потом советскому – мой отец, участник Великой Отечественной войны, лейтенант-танкист.

Если считать карьерой то, что к пятидесяти годам я стал главным редактором журнала, то и она основана на добро-совестном служении делу, государству. Да, я видел много отрицательных качеств и в стиле руководства и вообще в системе того государства, но оно меня воспитало, и если говорить о том, что я чего-то достиг, то только потому, что у меня было такое воспитание. Я не склонен сейчас обсуждать то государство, и, кстати, если говорить о правовой системе, где я служил, то советская система права была, может, и не лучшая, но и не худшая в мире.

– Почему Вы решили заняться именно журналистикой?

– Я уходил из прокуратуры в 90-м году – было такое сладкое время романтики, демократии, гласности, перестройки. Эти слова тогда определяли нашу жизнь. И к тому времени у меня было много друзей-приятелей среди журналистов – Андрей Иллеш, Юрий Рост, Андрей Пральников (мы его похоронили, царство ему небесное), Виктор Лошак, Олег Жадан и другие. Еще работая в прокуратуре, я пробовал с ними на спор сочинять какие-то заметки, материалы, и у меня даже было такое прозвище среди журналистов – «прокурор». Но, если уж начистоту, то первый факультет, на который я поступал в вуз, был факультет журналистики. Была у меня такая мечта. Но тогда она не сбылась. И вот спустя годы я решил попробовать все-таки ее осуществить. И в сорок лет поступил на журфак МГУ, на двухгодичное спецотделение для тех, у кого уже есть высшее образование. Это было интересное время! Взрослые люди писали шпаргалки, переживали за отметки... И объясняли свои переживания так: представляешь, приходишь домой, а дочка или

сын спрашивает: «Ну, что?» – «Тройка...» Стыдно же... А двойка – это просто слезы... Барышни наши плакали. Забавно – в сорок оказаться в двадцатилетнем возрасте. Ну так вот, закончил я этот журфак, кстати, с «красным» дипломом. Вручал мне его легендарный декан факультета журналистики Ясен Засурский, чем горжусь безмерно. И в 90-м году в один из субботних дней мне позвонил Миша Федотов и говорит: «Принято решение о создании министерства печати. Наш общий друг Полторанин назначен министром, я – заместителем. Давай к нам – защищать независимую российскую прессу». Я сказал: «Я бы с радостью, но, наверное, меня не отпустит прокурор города»...А нравы тогда в прокуратуре были достаточно строгие. Я ведь застал, когда начинал работать, еще Романа Андреевича Руденко – это же был человек-легенда. Работал и при Михаиле Григорьевиче Малькове – тогда механизм прокуратуры был отлажен, как часы. Такой системы – жесткой и целесообразной – сейчас уже нет. Но (видимо не без помощи Полторанина), мне все-таки разрешили уйти тогда из прокуратуры в Министерство печати, и я проработал там где-то полгода. А потом ушел сюда, главным редактором в журнал, который тогда назывался «Советская юстиция».

– Вы 10 лет возглавляете журнал «Российская юстиция». Что в нем осталось неизменным, а что привнесло время и «злота дня»?

– Наш журнал – долгожитель, существует с 1922 года. Среди юридических изданий, пожалуй, он самый старый. Когда я бываю в командировках за рубежом, всегда спрашиваю в университетских библиотеках, есть ли у них наш журнал. И практически везде он есть! То есть по нему изучают историю советской юстиции. Вот в таком плане мы и пытаемся сохранять и развивать журнал. Он всегда стремился идти в ногу со временем. Что же касается новых времен...

На сцене лауреаты премии Фемиды

Мы не говорим, что мы оппозиционное этой власти издание. Нас учредила судебная власть, и мы добросовестно «поем песню» судебной власти, стараемся ей служить. Но там, где судебную власть обижают, – вот там мы встаем в оппозицию – и к исполнительной, и к законодательной властям, вот тогда мы можем очищать свои перья и выступать против политики правительства, которое, например, сокращает бюджет судебных властей, нарушает конституционные законы и т.д.

А что нового в журнале? Время, время другое. И этим все сказано.

– Вы не разочаровались в журналистике, ее роли в обществе?

– На мой взгляд, идеально, когда СМИ имеет собственную точку зрения. Сегодня многие СМИ говорят о своей особой роли в обществе и видят назначение в том, чтобы постоянно критиковать власть. Да, конечно, СМИ, если они претендуют быть «четвертой» властью, должны стоять в оппозиции ко всякой власти. Но быть в оппозиции – не значит постоянно ругаться по поводу и без повода. Гораздо продуктивнее и полезнее для общества, когда СМИ будут не ругать власть, как это у нас принято, а иметь собственную точку зрения, которую будут отстаивать, спорить, но спорить аргументированно. Спор должен быть позитивным. На мой взгляд, важно сохранять именно эту оппозицию.

– Что такое гражданское общество с точки зрения юриста-правоведа?

– Все по-разному видят гражданское общество. Классическое определение у Аристотеля – это «сообщество независимых, свободных и равных людей». Вся наша жизнь устроена как бы двумя кругами – общество и государство. Общество живет по своим неписанным законам – нормам нравственности и морали. Государство регулирует отношения между гражданами с помощью законов. Но где-то оба этих круга соприкасаются, совпадают и чем больше сектор совпадений – тем лучше, тем благополучнее общество. И, на мой взгляд, вот этот сектор совпадений и есть гражданское общество, в котором складывается идеальная аура, гармония законов и норм нравственности и морали.

Гражданское общество дает человеку возможность жить комфортно, с одной стороны, беря на себя обязательства перед государством, с другой – жить достаточно свободно, соотносясь с собственным мировоззрением и нормами в обществе. На мой взгляд, идеология гражданского общества позволяет гармонизировать отношения личности и государства.

– Как Вы оцениваете работу в этом направлении Независимой Ассоциации «Гражданское общество»?

– С этой точки зрения деятельность Ассоциации чрезвычайно важна и чрезвычайно полезна. Я с большим удовольствием наблюдаю за акциями и встречами, которые проводит Ассоциация. Для меня важно не только их содержание

Фото: В. Ахлюмов
Дискуссия в Московском клубе юристов.
М. Краснов, В. Руднев, Г. Сатаров

В кулуарах клуба.
М. Краснов, В. Руднев,
М. Федотов, Г. Падва

Оживленный разговор в профессиональном кругу.
В. Лебедев, В. Руднев,
А. Захаров

Экс-председателем Верховного Суда СССР В.И. Терехиловым на церемонии награждения Золотым Почетным знаком «Общественное признание»

(а оно достаточно высокое), но и внешняя красота, которая там обязательно присутствует. Ассоциация – это общество красивых, достойных, авторитетных людей. Это не серые заседания «партийной общественности» из недавнего прошлого, а встречи ярких личностей, которым есть чем поделиться и друг с другом, и с обществом.

– Будучи одним из создателей Московского клуба юристов, какие цели Вы ставили перед этой организацией? Вам удалось их достичь?

– Идея клуба очень простая: внутрикорпоративная потребность в общении всегда существовала, и если в прошлом юристы встречались достаточно часто на разных производственных совещаниях, семинарах, то в наше время это ушло. Все стали строить свои собственные «квартиры» – и нотариусы, и адвокаты, и сыщики, но потребность во встречах осталась. И мы предложили – давайте хотя бы раз в месяц встречаться «на кухне коммунальной квартиры» –

в своем профессиональном клубе. Поначалу все это было по принципу личных знакомств, и до сих пор для приема в клуб нужно три рекомендации от членов клуба, а потом на общем собрании клуб решает, принимать ли в свои ряды этого человека. А еще обязательно нужно, чтобы он до того походил в клуб, чтобы понять, каков он в общении.

Клубу уже 5 лет, сейчас в нем 66 человек. Клуб живет на членские взносы. Они маленькие, и нам их хватает лишь на проведение очередных встреч. Но эта финансовая независимость для нас чрезвычайно важна. И если мы принимаем чью-то помощь, то она идет только на наши клубные программы. Скажем, поддержка Московской межбанковской валютной биржи позволила в рамках нашей программы «Библиотека московского судьи» приобрести каждому столичному судье набор специальной литературы – кодексы, комментарии и т.д. А без финансовой поддержки Института «Открытое общество», Российского фонда правовых реформ мы не могли бы организовать церемонии вручения высших юридических премий «Фемида».

– Цель Высшей юридической премии «Фемида», учрежденной вашим клубом, поощрить лучших в профессии. И только?

– Эта идея носилась в воздухе. Думаю, на Западе идея «Фемиды» никому бы в голову не пришла. Потому что там юрист давно уже занял свое престижное положение в обществе. А у нас? Поэтому мы преследовали простые, незамысловатые цели: во-первых, показать обществу хороших юристов, во-вторых, поговорить о профессии, в-третьих, поднять престиж юристов. Среди наших лауреатов есть такие высокие персоны, как председатели высших судов России Вячеслав Лебедев и Вениамин Яковлев, президент Чувашии Николай Федоров, юрист по профессии, президент Болгарии Петер Стоянов, бывший адвокат.

– Я знаю, Вы занимаетесь вопросами совершенствования правосудия, противодействия политическому экстремизму в России в Советах при Президенте страны. В чем заключается Ваша работа и каковы ее результаты?

– К сожалению, я уже не член Совета по совершенствованию правосудия. Для меня это грустная история. Два года я был в составе Совета, на мой взгляд, весьма нужного и полезного. Но весной этого года был опубликован новый список членов Совета, а моя фамилия исчезла. Повторюсь: я старался добросовестно служить этому государству. И в той же степени добросовестно работал в рамках этого Совета – руководил рабочей группой. Мы нашли такое хорошее решение взаимоотношений судебной власти и СМИ, и получили хороший отклик на эту работу. Но не в этом суть. Почему это грустная история? Я, собственно, чиновник – моя должность главного редактора журнала «Российская юстиция» и сотрудника Администрации Президента предполагает

Обмен новостями.
С В. Тумановым в клубе юристов

честное служение государству. Я подвигов не совершал, но по-человечески обидно, что ни предварительно, ни потом никто не позвонил и не сказал: «Руднев! Ты наделал ошибок, или ты кому-то что-то не то сказал, или твой журнал занимает какую-то не ту позицию, поэтому мы тебя вычеркиваем...» Нет! Все втихаря. И от этого мне грустно. Я, конечно, нравы нашего чиновничества понимаю – кто я такой, чтобы со мной объясняться? Но это неприятно, когда тебя так тихо вычеркивают. Хотя, если честно, от этого энтузиазма служить государству у меня не убавляется. Я до сих пор служивый человек. Возвращаясь же к идеям гражданского общества, замечу, что правила гражданского общества как раз не позволяют с людьми так обходиться.

– Судя по публикациям еще одного Вашего журнала «Чистые руки», коррупционность цехов юридического сословия, по сравнению с советским периодом, возросла почти на 15 процентов, достигнув 40 процентов. Как Вы думаете, что можно сделать, чтобы изменить эту ситуацию? И делается ли это?

– Это все условно. Я не очень-то верю в эти цифры. Вообще коррупция – явление очень сложное и я бы не отважился мерить ее цифрами. Есть какие-то критерии более точные: скажем, сколько людей посадили за взятки за какой-то период, но и они весьма условны. К примеру, раньше больше сажали за взятки, чем сейчас. Почему? Что это означает? Что стало меньше взяточничества? – Нет. Не хуже, и не лучше. Все как было, так и есть. Поэтому я всегда стараюсь на эти темы дискутировать не абстрактно, а конкретно – по делу о взятке N., коррупции чиновника А. Вот об этом надо говорить открыто, как о болезни, которую не вылечишь, не распознав. И такие разговоры – это уже благо, которое поможет снижать уровень коррупционности.

Беседовала Елена ЦЫГАНКОВА

Первая встреча Московского клуба юристов 1995 г.
В первом ряду: В. Руднев, В. Теребилов, А. Рекунов,
В. Кудрявцев, В. Смоленцев, С. Ария